

Одна минута.

Именно столько мне потребовалось сражаться, чтобы понять, что эта битва проиграна. Не было никакой надежды на победу. Побег тоже был невозможен. Небо сильнее затемнилось, и я почувствовал, как капли дождя, подобные пулям, ударили мне в спину; сотни маленьких ударов - капель размером с камень. Болото вокруг нас превратилось в руины. Деревья высотой более ста футов были срублены, расколоты и раздроблены. Потоки бурлили под нами, как легион извивающихся змей, и их бушующие волны заставляли меня спотыкаться на неровной поверхности воды.

Я бежал по воде, тяжело дыша. Из-за одышки звуки, исходящие из моего бансури, звучали прерывисто. Натянуто. Венти укрылась в кармане моего плаща. Несколько минут назад она потеряла сознание от полученных травм. Мои глаза метались взад и вперед, смотря по сторонам, но я не знал, где Аами. Он не вернулся после того, как последняя атака Ведьмы разорвала шоггота на миллион частей.

Поначалу мой мозг не мог понять, что произошло. В одну секунду Аами бросился на Ведьму, а в следующую он был уничтожен.

Нас превзошли.

Ведьма знала арканизм. Заклинания по учебнику. Мы атаковали, и она заставила мир повернуться против нас. Кнуты воды разорвали моего шоггота на части и бросили его куски в болото. Потоки огня вскипятили воду и превратили дождь в пар. Лёд расцвёл из потоков воды и заключил нас в клетку, а затем разлетелся смертоносной шрапнелью.

И некромантия. Это было самое худшее. Я едва успел увернуться от всего, кроме одного заклинания, которое выкачало жизнь из моих вен.

Моя левая рука безвольно свисала сбоку. Онемевшая, увядшая и иссохшая - сморщенная плоть прилипла к хрупкой кости. Если бы я все еще мог чувствовать боль, то не сомневаюсь, что она была бы изнурительной. Что я кричал бы вместо того, чтобы играть на бансури одной рукой.

Ослабленная Песня Гале несла меня по воде. Это была единственная из известных мне песен, которая сейчас работала. Все остальные молчали. Не отвечали мне. Шёпот мира, который всегда приходил ко мне так легко, теперь казался таким далеким.

Нет, они меня не слушают. Не такого любителя как я.

Не тогда, когда я сражался с мастером.

«Признаю, дитя, ты впечатляешь,» - сказала Ведьма, и её голос эхом разнёсся вокруг меня. Я резко развернулся, и стальной ветер разнес ближайшее дерево вдребезги. Он ударил лишь древесину, и её голос продолжил, не прерываясь. «Твое мастерство в колдовстве удивительно для твоего возраста. Сколько времени прошло с тех пор, как ты впервые шагнул в межмирье? Сколько лет?»

Я прыгнул. До ветки, где я прислонился к стволу болотного кипариса, чтобы отдышаться. Из-под воды внизу появилось черное пятно размером не больше кулака. Аами. Уменьшенный до сотой части его прежней массы. Шоггот подполз к моему плечу, слабо бормоча, не в силах даже говорить.

Но по крайней мере он был жив. Я подобрал его, и он сжал мои пальцы, отказываясь прятаться

под плащом. Я покачал головой. В любом случае, сейчас не имело смысла прятать Аами. Я уже проиграл. Я позволил себе прислониться к дереву и соскользнуть вниз, сидя на ветке и глядя на шторм. Мои ноги больше не двигались. Моя неповрежденная рука бесконтрольно дрожала, зубы стучали.

Моё тело поглотил один лишь страх.

Лес вокруг меня был неестественно темным. Сквозь завывающую завесу дождя тени казались настолько густыми, что могли превратиться в твердую массу. Ползучий обсидиан загнал меня в угол. Прижал к стене.

Бравада - это всё, что у меня осталось.

«Мы действительно сейчас болтаем?» - спросил я, крича в темноту. «Когда ты пытаешься убить меня?»

Ворон вылетел из тени и приземлился на ветку напротив меня. Всего в нескольких метрах. Маленькая птичка раздулась, и её плоть искривилась, превратившись обратно в огромную Ведьму. Она посмотрела на меня, прежнее напряжение в её позе исчезло. Теперь она знала. Она знала, насколько мы слабы - что драться с нами не опасно. Она ухмыльнулась зубами, похожими на иглы.

«Убить тебя?» - она хихикнула, покачав головой. «Если бы я хотела, чтобы ты умер, ты уже был бы трупом. Я поняла, что ты молод впервые взглянув на тебя, но ты явно даже моложе, чем я представляла. Я не убиваю малышей, мальчик. Нас и так мало.»

Ведьма сделала шаг вперёд, и дерево под её ногами начало корчиться, как масса червей. Оно росло, создавая дорожку, по которой она могла идти, приближаясь ко мне.

«Нет,» - сказала она. «Я не буду убивать тебя. Я лишь хочу забрать то, что принадлежит тебе.»

«Да никогда в жизни.»

Я стиснул зубы и заставил руку пошевелиться. Я поднял бансури. Заиграл. Песнь Гале ответила - ветер завыл по моей воле.

Лезвия ветра рвались к ней, как пилы. Измельчающие порывы, которые могут растереть камень в пыль. Но вместо того, чтобы позволить им ударить её, Ведьма только сжала пальцы и заговорила. Она противопоставила моему колдовству свое собственное.

Атака распалась на части. В одну секунду ветер стал стальным - твердое оружие, сила смерти. А в следующую ветерок снова безвредно обдувал её плечи. Ведьма покачала головой. «Ты силен, но это с точки зрения смертных. Ты репетировал свои песни годами. Я практиковала своё колдовство веками. Ты не обладаешь и малой долей мастерства, необходимого, чтобы причинить мне серьезный вред.»

Я сжал кулаки, глаза начало жечь. Бездна. Разочарование. Перед ней я чувствовал себя ребенком, неспособным ни бороться, ни сопротивляться. Но всё же я впился ногтями в кожу. Я не буду плакать. Отец не вырастил сына, который бы сломался от тщетности. Нет, я не

сломаюсь. Не перед чем-то подобным.

Я схватил страх, наводнивший моё тело, и разорвал его в клочья. Я поджёг его, как уголь в печи. Я накормил пламя, и страх превратился в гнев. Горячий и контролируемый. Размеренная ярость кузницы, раскаленное добела алхимическое пламя.

Я подтянул ноги из-под себя. Ноги дрожали, но я напряг мышцы. Заставил их повиноваться. Я встал на две ноги.

Я поднял голову и посмотрел Ведьме в глаза.

«Если ты возьмешь Венти во второй раз,» - прошептал я, и мой голос изменился. Он звучал как-то громче, чем, когда я говорил обычно. Он эхом разнесся по миру, вливаясь в завывающий ветер и ревущий дождь, словно сама природа прогибалась под мой гнев. «Если ты снова заберёшь её, то лучше убей меня. Потому что я буду помнить. Я вернусь, и вернусь я, чтобы убить тебя, когда найду. Всех вас, эгоистичных, бессердечных бессмертных - и тебя, и фейри. Я убью каждого из вас, мать вашу.»

Ведьма возвышалась надо мной. Пятнадцать футов ростом. Гигант. Но от моих слов её лицо потемнело, её прежняя уверенность уступила место холодному гневу. Она стала похожа на айсберг; черный, огромный, скрытый под поверхностью моря.

«Не сравнивайте меня с фейри,» - прорычала она. «Я не такая, как они.»

Она произнесла всего несколько слов, но тяжесть её голоса была сокрушительной. В нём звучали сталь, черный камень и холодное железо. Но она была не единственной, кто чувствовал себя обиженным. Я подошел к ней и оскалился, костяшки пальцев побелели, сильнее обхватив мой бансури.

«Нет» - сказал я. «Ты хуже. Фейри заключают сделки. А ты умеешь только отнимать.»

«Ты не знаешь, что говоришь. Даже доли. Закрой свой рот, пока я не закрыла его за тебя.»

«Почему? Потому что я прав? Потому что ты ненавидишь, когда люди указывают на твои недостатки?»

Ведьма нависла надо мной: «Не заставляй меня причинять тебе боль, дитя.»

Мгновение тишины воцарилось между нами. Мгновение дождя, шторма и бурлящего потока. Я смотрел на неё. В её уродливые зеленые глаза.

Она была похожа на взрослого, который разговаривает с ребенком. Вот как она звучала. Вот как она вела себя. Игнорируя собственные ошибки, собственное лицемерие и видя вещи только с собственной эгоистичной точки зрения. Игнорируя всех вокруг. Делала всё, что хотела, только потому, что могла. Как типичный тиран.

Также как мать.

При этой мысли я почувствовал, как моё сердце упало в груди, в яму с ледяной водой. Мои глаза потемнели. Моё тело двинулось само по себе.

Я толкнул её. Одной моей рабочей рукой прямо в живот. Ведьма отступила на шаг, несмотря на свой размер, и её лицо исказилось от злости.

«Ты наглый ...»

«Заткнись!» - взревел я. Я оборвал её, и карга ошеломленно замолчала. Я двинулся вперед, сверкая глазами, и она невольно сделала ещё один шаг назад. «Слушай ты, старая морщинистая лицемерка. Посмотри вокруг себя! Прислушайся к словам, которые ты произносишь! Говори с открытыми ушами, смотри мне в глаза и снова угрожай мне. Скажи, чтобы я закрыл рот. Скажи, что ты лучше фейри.»

Она в гневе подняла руку, но этот взгляд был мне уже более чем знаком. Я не вздрогнул. Больше нет. Я только наблюдал за ней, мои глаза горели от каждого её действия. Теперь она дрожала. Дрожала от ярости. Я тоже дрожал. Абсолютно не заботясь не о чём, мой гнев овладел моим ртом. Всем моим телом. Я подлил топлива в пламя.

Я посмотрел ей прямо в глаза. Точно так же, как я хотел бы сделать с мамой, когда она уехала много лет назад.

«Давай, старая морщинистая сука. Сделай мне больно!» Я снова толкнул её. «Докажи, что я прав!»

Ведьма тяжело дышала, как будто её сердце собиралось остановиться только от гнева. Её рука застыла в воздухе, ожидая удара.

Но она не двинулась.

Медленно она опустила руку. Её дыхание замедлилось до слабого, едва уловимого дыхания, и плечи Ведьмы опустились в поражении. В этот момент мне показалось, что все её существо стало старше. Как будто из неё высосали всю энергию. Как будто вес всех её лет, всё её бессмертие было всего лишь иллюзией, скрывающей под собой хрупкую старуху.

«Нет,» - сказала она, ее глаза затуманились. Голос Ведьмы был мягким, а её глаза смотрели куда-то за пределы меня. Мимо меня и во что-то далёкое-далёкое. Она покачала головой: «Я не могу так поступить с тобой. Я бы никогда не причинила тебе вреда, Иан.»

Она говорила, но не со мной. Как будто теперь я был для неё невидим. Как будто она увидела кого-то ещё, там, где стоял я. Я уставился на неё, смущенно моргнув, когда Ведьма отвернулась. На её коже начали расти перья.

«Я...» - она остановилась, заколебалась, затем снова вздохнула. «Мне жаль.»

Она превратилась в ворона и улетела.

Вот так просто.

Ведьма оставила меня там, глядя в пустую бурю. Ошеломлённым. Я не знал, как долго я наблюдал за темнотой, не слушая ничего, кроме звука утопающего дождя. Он падал вокруг меня, победителя. Я выиграл. Каким-то образом одним моим словам удалось заставить Ведьму покинуть нас.

Я спас Венти. Я прогнал нашего преследователя. Я мог уйти в любой момент.

Но я не чувствовал себя свободным.

На моих плечах лежал груз. На моей сморщенной руке и ушибленном теле, словно гравитация,

тянущая меня вниз, укореняющая меня на месте. Я вспомнил выражение лица Ведьмы. Эта уязвимость под маской бессмертного. Искренность её взгляда. Я не думал, что она может показать такие эмоции на своём жестоком лице. Я хотел увидеть их снова. Я знал, что должен был давно уйти, сбежать, как и планировал, но ноги отказывались двигаться.

Они отказывались отпустить меня. Я закончил бой, но не чувствовал, что выиграл. Я горько улыбнулся. Я знал, что это значит.

Я надеялся.

Я никогда не спорил с матерью. Я не думал, что смогу победить, даже если бы спорил. Но если бы я мог изменить Ведьму, заставить её изменить своё мнение, быть правдивой с самой собой - получить шанс достучаться до неё словами, тогда, возможно...

«Я дурак,» - пробормотал я.

Я явно глуп, делая то, что собирался сделать. Но я должен сделать это. Я должен подтолкнуть, подтолкнуть и пробудить; чтобы хоть раз в жизни увидеть последствия того, что я высказал своё мнение. Чтобы увидеть, что я мог бы сделать, если бы у меня хватило духу сделать это раньше. Я должен был увидеть, что случилось бы потом.

Бансури подлетел к моим губам, и я начал играть. Ещё раз Песнь Гале. Но я не использовал её, чтобы, как всегда убегать. На этот раз ветер подтолкнул меня вперед - на север. К Древу Предков вдалеке. В одинокий дом на затопленном болоте, тихо спящий под дождем.

Еще раз к Ведьме.

Пока я путешествовал, бушевала буря.

Я нашел её дом у основания Древа Предков.

Даже после того, как дожди залили болото, поглотив деревья высотой более ста футов, вода не достигла тела массивного дерева. Она остановилась на полпути к корням, продолжая подниматься, но я не мог представить, что дожди когда-нибудь доберутся до ствола. Настолько он был огромен. Стена из кальцинированной древесины, костяно-белая, стоящая под дождем. Столб мраморной коры, пробивающийся сквозь грозовые тучи над головой.

И там, как паук, был прикреплен к дереву дом.

Из-под него росли восемь деревянных ножек. Они цеплялись за обломки коры бузины. Дом был больше похож на хижину, чем на полноценный дом, сделанный из соломы, кирпича и деревянных стен, обросших виноградом. Одна сторона дома была разворочена взрывом. На оплавленном камне и расколоте дереве виднелись следы ожогов. А еще глубже внутри, с лестницы наверху, лился слабый свет камина.

Я подлетел к дыре в доме. Мои ноги упали на выжженный булыжник подвала, и я огляделся. Алхимическая лаборатория, разрушенная и расплавленная. Банки с ингредиентами превратились в пепел. Шкаф был заполнен лишь пылью.

Я прошёл мимо всего этого. Я направился к лестнице и остановился, как только подошел к её основанию.

Аами и Венти теперь спали под моим плащом. Пострадавшие. Но живые. А я бодрствовал и был один, стоя внутри дома Ведьмы. Никто не мог спасти меня, если что-то пойдет не так. И всё же я сделал шаг вперед. Я не представлял себе другого исхода.

Я поднялся по лестнице.

Я вдруг снова почувствовал себя ребенком. Я вспомнил подвал дома, где работала мама. Как я часто поднимался по лестнице, чтобы оставить её, расстроенный её поступком.

Сейчас, когда я поднимался по лестнице, всё было по-другому. На этот раз я не злился. Моё сердце чувствовало что-то другое. В данный момент я не был уверен, что именно это было. Нервозность? Страх? Озадаченность? Ничего из этого не казалось подходящим. Свет наверху лестницы был теплым и одиноким, а потрескивание очага казалось чем-то терпеливым, напоминающим о прошлых временах.

Меня тянуло к нему. К возможности, о которой я никогда не задумывался.

Я просто не мог не выйти из тени. Я шагнул на свет. И там, на вершине лестницы, меня ждала гостиная. Полки, заставленные книгами и свитками. Удобный красный ковер и кухонный стол, едва выступающий из тени. И очаг. Камин, светящийся оранжевым светом. Перед ним стояли два стула и старая женщина сидела перед огнем.

Я её почти не узнал. Теперь она была маленькой. Внутри её дома. Едва более пяти футов ростом. Здесь Ведьма была хрупким старым амаридом, покрытой печеночными пятнами и провисшими морщинами. Она сидела на стуле с маленьким портретом в руках - портретом девушки, которую я не знал.

Когда я подошёл, мои шаги заскрипели по половицам. Я остановился рядом с ней, остановился рядом со стулом и уставился в огонь. Ведьма не подняла глаз.

«Ты здесь,» - просто сказала она. «Для чего?»

Я сел рядом с ней на другой стул. В синяках и побоях, моя иссохшая рука безвольно лежала у меня на коленях. Я издал долгий усталый вздох.

«Я вернул свою птицу,» - сказал я. «Но есть ещё то, что ты обещала. Чай.»

Между нами воцарилась тишина. Казалось, что она проигнорирует меня, пока старушка рядом со мной не выдохнула. Она оторвалась от картины в руках и встала. Она поставила её на полку над огнем и схватила трость рядом со своим стулом.

Ведьма заковыляла на кухню. С того места, где я сидел, я услышал скрежет кремня о сталь. Шум разгорания нового огня. Затем грохот чайника, кипящего над потрескивающим пламенем.

Я услышал, как она поставила на стойку две банки, и комнату наполнил слабый запах пакетиков чая. Ведьма посмотрела мне в глаза.

«Выбирай, мальчик. Жасмин или душистый горошек?»